

Ему еще хотелось кое-что объяснить старшему молодому господину Вану, да только тот находился в военном лагере, откуда вести передавать неудобно. Поэтому Цуй Се написал письмо, упаковал его вместе с несколькими свежепечатанными томами «Троецарствия» и попросил знакомого воина доставить всё на границу. Но из-за подготовки к войне тренировки в отряде Ван Сянчжэня были чрезвычайно суровыми. Книги передать не удалось, и ответа от него так и не пришло. Зато его отец, командир Ван, прислал человека, чтобы пригласить Цуй Се к себе.

Этот командир обычно был с головой погружен в дела и не испытывал ни малейшего желания встречаться с разнеженными дружками своего сына, так что пригласил его впервые. Цуй Се приложил все усилия, чтобы прихорошиться: надел головной убор, облачился в белое ханьфу ученого — изо всех сил стараясь произвести хорошее впечатление и поднять престиж молодого господина Вана.

Командир Ван принял его в главном зале. Увидев, как юноша входит — подобно изящному драгоценному дереву, с чистым и открытым взглядом, озаряющим всё вокруг благородным обликом, — он невольно восхитился про себя. На его лице появилось подобие улыбки, и он произнес:

— Молодой господин Цуй, присаживайтесь. Я пригласил вас сегодня, чтобы высказать свою благодарность. Надеюсь, вы не посечете меня за то, что моя благодарность запоздала, а прежде я относился к вам слишком пренебрежительно.

Цуй Се, польщенный такой неожиданной милостью, поспешно ответил:

— Я лишь скромный младший, как смею я принимать вашу благодарность, господин командир?

— Заслужили, — с улыбкой возразил командир Ван. — Лишь позже я узнал, что именно вы достали для Сянчжэня те рисунки, разжегшие в нем желание разить врагов, и нарисовали для него свиток героев, который хотел граф Аньшунь, отчего тот и взял его к себе. То, что у моего непутевого сына появились такие перспективы, — заслуга вас, его друга, помогшего ему всё устроить.

Командир Ван улыбался, глядя на него, однако в его взгляде таилась суровая и леденящая сила, которую не могла скрыть никакая улыбка, схожая с инеем и снегом. Это чем-то напоминало цяньху Се при их первой встрече.

Похоже, у всех, кто побывал на поле боя, оставалась эта леденящая аура, которую невозможно было скрыть до конца.

Цуй Се вдруг подумал, что ему тоже следует написать письмо в столицу и сообщить цяньху Се, что он закрыл книжную лавку «Чжижун» и открывает новую, дабы тот в столице не беспокоился. Несколько месяцев назад цяньху Се даже подослал Се Шаня скупать остатки книг из его лавки. Судя по всему, тот проявлял немалое участие к... этой лавке. Если лавка тихо-тихо закроется и весть дойдет до столицы, не пошлет ли он снова людей проведать его?

А может, и вправду написать письмо в столицу и рассказать ему, что он собирается пожертвовать усадьбу лавки под библиотеку и открыть новое заведение по продаже книг для сдачи государственных экзаменов? Заодно можно отправить в столицу несколько десятков комплектов книги «Шесть гениев комментируют Троецарствие». По словам нескольких почтенных цзюйжэней, эта книга в столице расходуется на ура, так что цяньху Се сможет подарить эти экземпляры кому-нибудь.

Все равно лавка закрыта, и не нужно спешить продавать книги стоящим в очереди покупателям, так что подарить лишние комплекты будет не в убыток.

Мелькнула у него в голове эта мысль, пока он вежливо беседовал с командиром Ваном. Командир Ван похвалил его еще пару раз, обмолвился парой слов о старшем молодом господине Ване, но говорить с юным ученым ему, по правде говоря, было больше не о чем. Немного подумав, он произнес:

— Сянчжэнь раньше приглашал тебя ездить верхом у нас в доме, так что продолжай приходить. К тому же я вижу, что сложением ты не слишком высок и крепок — наверняка подорвал здоровье за книгами. Возраст у тебя еще не так велик, как-нибудь я выберу кого-то из личных охранников, чтобы тот подучил тебя. Разогнать кровь и поднатореть в боевых приемах ты вполне сможешь.

Вернувшись от командира Вана, Цуй Се стал раздумывать, как бы ему отправить весточку цяньху Се.

Хотя цяньху Се знал, что он является хозяином книжной лавки «Чжижун», а Цуй Се знал, что тот об этом знает, когда Се Шань приезжал в Цяньань, он специально переоделся, скрыл свое имя и притворился богачом из других краев. Это очевидно означало, что тот не хотел раскрывать свою личность, а тем более личность своего господина. Разве мог Цуй Се выказать излишнюю сообразительность и явиться к нему с заявлением: «Я знаю, что вы обо мне печетесь. Я пожертвовал лавку, но побоялся, что вы будете переживать, поэтому пришел сообщить»?

Мало того что нельзя говорить прямо, так у него даже не было уважительной причины отпроситься и поехать навестить цяньху Се. А если послать Цуй Юаня или управляющего Цзи, то их статус окажется слишком низок.

Должность цяньху Цзиньвэй — всего лишь пятый ранг, наравне с Цуй Цюэ, но разве Цуй Цюэ смог бы, просто захватив визитную карточку, легко переступить порог дома офицера Цзиньвэй?

Мечтать не вредно!

Если этого не мог Цуй Цюэ, то его сын — и подавно. Не потому ли в прошлом году, когда он захотел отправить праздничный подарок, ему пришлось просить старшего молодого господина Вана передать его? Слуги его дома, пожалуй, не смогли бы даже постучаться в ворота семьи Се.

К тому же он не мог быть уверен, скупил ли цяньху Се его залежавшиеся книги из-за симпатии к нему или просто из желания помочь бедному. Будь это в современности, он как субсидируемый студент мог бы просто позвонить по телефону спонсору. А в эти времена оставалось только сидеть дома и витать в облаках, ведь даже для отправки письма не сыскать почтового отделения!

Курьерская служба доставляла только официальные правительственные бумаги!

Однако такова человеческая природа: чем сложнее дело, тем больше о нем думаешь. Деревенский бедный юноша Цуй Се думал-гадал и, не имея возможности напрямую выйти на «спонсора Се», решил отправить дядю Юаня наладить теплые отношения с «мужчиной-гувернером» Се Шанем. Если узнает Се Шань, то узнает и цяньху Се, а значит, ему больше не придется беспокоиться о нем — если только все это не было собственным заблуждением Цуй

Се.

Но даже если это льстило его собственному самолюбию, лишний раз отправить гостинцы не повредит.

Приняв решение, он написал письмо Се Ину на простом листке бумаги с самым скромным орнаментом, сообщив, что собирается открыть новую книжную лавку. О книжной лавке «Чжижун» он не обмолвился ни словом, будто их связывало только поверхностное знакомство, цзяньху Се ничего про него не расследовал, а сам он понятия не имел, что делал Се Шань.

Запечатав письмо, он лично отправился в мастерскую и собрал двадцать комплектов — более ста книг, шкатулку с набором бумажных карточек для смены нарядов персонажей «Троецарствия», а также велел приготовить немного свежих фруктов и цельный кусок горного меда. В середине девятой луны на реке Саньли как раз ловили отличных крупных крабов. Он велел купить целую корзину, связывая их по одному пеньковой веревкой и укладывая слоями под влажную мешковину.

Погода в Цзибэй в то время была уже не слишком жаркой, однако крабы быстро портились, поэтому он велел принести селитру и обучил молодого подмастерье способу получения льда с ее помощью. Сначала они приготовили таз с колотым льдом и посыпали им корзину для охлаждения.

Все эти угощения под предлогом подарка Се Шаню поручили сопровождению Цуй Юаня. Тот вместе с несколькими работниками повез подводу в столицу, а остальное уже зависело от того, окажут ли содействие Се Шань... или, вернее, цзяньху Се.

Он не хотел размышлять об этом слишком глубоко. На следующее утро нанял большую повозку, проводил Цуй Юаня и остальных, а затем вернулся в поместье командира Вана, где под руководством личных воинов начал учиться верховой езде и искусству владения копьем.

...Отличный способ тренировки! Подержав в руках копьё весом в десяток-другой цзиней, во время письма он едва чувствовал кисть в руке, отчего почерк становился невероятно легким и порхающим.

Господин Линь в гневе воскликнул:

— Для экзаменуемого самое важное — это почерк! Несколько лет назад один шэньюань из нашего уезда был отобран господином уездным начальником именно благодаря идеальному, крупному и каллиграфическому казенному почерку! Почерк настолько важен, а что ты будешь делать, если повредишь руку?!

Цуй Се не хотел его злить, но еще больше тосковал по своему величественному росту под метр восемьдесят из прошлой жизни, поэтому поспешил мягко умаслить его:

— Ваш ученик лишь опасается, что в экзаменационном зале придется писать по семь сочинений за день, а силы в руках не хватит, вот и решил немного позаниматься боевыми искусствами. Это всего на пару месяцев, после Нового года я прекращу и ни за что не допущу никаких происшествий перед экзаменом.

«Да и сейчас тренироваться не к месту!» — господин Линь посмотрел на его тонкие запястья, представил, как тот машет копьем длиной более чжана, и у него перехватило дыхание.

Но у этого ученика был упрямый нрав — иначе как бы он за считанные месяцы превратился из

ребенка, не знавшего даже «Мао ши», в школяра, способного писать сочинения? Если он на что-то решался, то с вероятностью в восемьдесят процентов доводил дело до конца, и никто не мог им повелевать.

Господин Линь глубоко изучал «Мэн-цзы» долгие годы и умел возвращать в своей груди великий дух. Понимая, что удержать ученика не удастся, он просто махнул рукой:

— Знай меру. Если в эти два дня не сможешь нормально написать домашнее задание, зачитаешь его мне вслух. Но если повредишь руку, я тебя не пощажу!

Цуй Се с кротким видом, но с непоколебимым нежеланием раскаиваться пообещал:

— Учитель, не извольте беспокоиться, я не стану из-за этого забрасывать упражнения в каллиграфии.

А то, что сейчас кисть гуляет сама по себе, — это всё от недостатка практики; стоит больше тренироваться, и всё придет в норму.

Впрочем, из-за того что руки сильно дрожали, красиво писать или рисовать он на первых порах все равно не мог, поэтому, вернувшись домой, решил заняться планированием обустройства библиотеки.

Пожинав, он заперся изнутри в маленьком кабинете, закрыл глаза и отыскал в памяти схему: Жёсткий диск -> Файлы -> Иностранные языки -> Английский -> Библиотечный английский. Напрягая волю, он детально разглядел конструкцию стеллажей, порядок их расстановки и расположение столов и стульев в читальном зале.

Он не слишком хорошо знал, какую нагрузку способны выдержать перекрытия в эпоху Мин, поэтому из соображений безопасности отказался от привычных для современных библиотек параллельных рядов стеллажей. Вместо этого он решил установить стеллажи вдоль стен, заполнив ими обе стороны комнаты. Между ними он запланировал поставить в четыре ряда восемь длинных столов, а к каждому столу — по две длинные скамьи, чтобы там могли одновременно читать или переписывать книги более двадцати человек.

<http://bllate.org/book/18372/1761307>